

Теоретические и политические сражения Арриго Черветто

III

Публикуем отрывок из предисловия к вышедшему из печати изданию избранных работ Арриго Черветто.

Осенью 1957 года съезд Движения коммунистической левой (ДКЛ) в Ливорно положил начало кризису. Черветто и Пароди оказались в меньшинстве, подвергнувшись нападкам со стороны максималистского крыла, чей *“моральный фактор”* не позволял принять суть *“Тезисов”*, представленных на том собрании, а именно прогноз длительного цикла глобального капиталистического развития, который будет способствовать *социал-демократизации* масс, а не их радикализации. Несмотря на временное поражение, которое было следствием нетерпеливости *психологического времени* тех активистов, *“Тезисы”* 1957 года были научным успехом и создали чёткую основу для стратегии, которая определяла направление партии на следующее полвека.

«Всё, казалось, шло наперекосяк в тот день в Ливорно. Я прибыл 3 ноября с коленом, опухшим по причине пустячного инцидента, произошедшего в ночь перед отъездом, и меня охватывал первый озноб. День не был холодным, наоборот, но на Пьяцца-Гранде я хотел немедленно пойти спать в гостиницу. [...]

Я вовремя успел собрать воедино заметки и изложить наши тезисы для совещания, но не учёл неожиданностей. Мазини на совещание не приехал, потому что заболел; я же выступал, запивая аспирин, чтобы сбить высокую температуру. Я утверждал, что контрреволюционная фаза будет длиться не менее 20 лет – времени, необходимого для индустриализации Азии, Китая, Индии, и что одновременно требовалось формировать кадровую ленинистскую партию без иллюзии в отношении разнородных движений, которые лишь способствовали укреплению неизбежной социал-демократизации масс. Мне было тридцать лет, и никакого страха перед будущим и перед истиной. Бруно Фортикьяри и другие имели больше лет за плечами, но, что важнее, не имели достаточной теоретической подготовки, чтобы дисциплинировать свои чувства и не позволять им довлеть над политической оценкой. Страсть и политическое суждение были для них одним и тем же – в том сплаве настроений и действий, который всегда отличал максимализм и который всегда будет слабостью революционного движения.

То, что я говорил, глубоко задевало их. Они набросились на меня с пылкой горячностью, обернувшейся политической близорукостью.

Пароди, подавленный, хотел немедленно прекратить спор. Часть наших сторонников не явилась, так как решила перейти на сторону бордизма, что, на мой взгляд, было равносильно выходу на пенсию. [...]

*В этой суматохе отсутствовал тот единственный человек, с которым было бы действительно полезно вести спор, в том числе потому, что он отвергал мои тезисы, утверждая, что для него движение меньшинства уже не имело исторического смысла. Я говорил об этом с Мазини в Милане во время своего рода *“последней вечера”*, и своим откровенным советом посвятить себя скорее историографии, чем политике, я завершил наш давний разговор, который когда-то объединил нас за столиком бара на Пролунгаменто. Совет мой был уместен: Мазини – один из лучших и признанных итальянских историков, и его книги не только пользуются спросом, но и полезны.*

Если бы он в тот день приехал в Ливорно, дебаты позволили бы мне избежать монолога, обречённого на поражение. Мы в любом случае остались бы в меньшинстве, но политические цели стали бы более понятны, а не оказались бы потопленными в эмоциях. Отсутствие собеседника стало ещё одной из неприятностей Ливорно.

Сегодня Тезисы по праву считаются важным моментом стратегии. Факты их подтвердили, и спустя четверть века они выделяются с поразительной ясностью благодаря утверждениям, содержащимся в них.

Но в то время они были для меня не чем-то исключительным, а всего лишь синтезом идей, которые я вынашивал много лет».

Два сражения: Единый рынок как “третий блок” унитарного империализма и кризис в отношениях между СССР и Китаем

На рубеже 50-х и 60-х годов стратегический анализ Европы и Китая был в центре двух сражений, тесно связанных с судьбой *Azione Comunista*. В конечном счёте именно начало процесса европейского объединения создало стратегическую возможность для обретения социалистами автономии от сталинизма – объективную силу, которая повлияла на отход активистов, связанных с Мазини.

«Италия в том 1957 году уже, по сути, вступила в европейский Общий рынок и находилась на буксире мощного немецкого мотора. Я понимал важность этого, знал, что Италии суждено было глубоко измениться, и считал смешной оппозицию Тольятти, который по экономическим вопросам, как всегда, повторял грубые пропагандистские оценки Е. Варги и России.

Я перечитал работы Маркса о свободной торговле и написал статью».

Через пять лет, осенью 1962 года, Черветто вернётся к этой теме в исследовании “Экономические блоки империализма”: *«Я [...] подчёркивал создание региональных экономических блоков, которыми считал США, Единый рынок и СЭВ. В действительности степень интеграции между этими региональными блоками, особенно между США и Единым рынком, была больше, чем я мог предположить».*

Вывод сделанный Черветто в “Тетрадах”, напомним, относится к 1981–1982 годам; подчёркивание той «степени интеграции» с США, которая была выше, чем предполагалось в рамках идеи более чёткого разграничения между более защищёнными «блоками», станет плодотворным направлением для понимания реального процесса европейского объединения – в контексте цикла империалистического либеризма и в логике трансформации, а не разрыва атлантических отношений.

Второе сражение, столь же тесно связанное с судьбой *Azione Comunista*, будет касаться Китая, потому что начало противостояния между молодым китайским капитализмом и русским империализмом стало оказывать влияние на максималистское течение ДКЛ, привлекая его маоистскими иллюзиями.

«В мире полным ходом шёл процесс образования новых национальных государств в Африке под влиянием войны в Алжире. Весной [1959 года] я написал статью об этих движениях и в июне взялся за Народные коммуны в Китае и позицию Пекина на переговорах о разрядке между США и СССР.

Задолго до того, как появились официальные позиции, которые затем на многие годы заполнили первые полосы газет, я видел, что СССР не мог поддержать китайскую индустриализацию, и что, следовательно, Пекин был полностью заинтересован в большей автономии. Я понимал, какие перемены в международных отношениях мог спровоцировать разрыв в русско-китайском союзе. Я предвидел, что это должно было иметь последствия и для ИКП, введя третий фактор в традиционный дуализм “американская партия – русская партия”, который в течение 15 лет сковывал итальянскую политику. Китайский толчок перемешал бы карты как в мире, так и в Италии, дав возможность революционному движению, сумевшему понять его суть, вновь войти в политическую жизнь, преодолев сектантскую фазу пропагандистского кружка.

Я основательно изучал эту проблему и был первым в Италии, кто целостно её описал. Я не испытывал какой-либо симпатии к Китаю и маоизму. То, что я делал, являлось сдержанной стратегической оценкой. Как и раньше, и в последующие годы, то, что я смутно предвидел, затем проявлялось в полной мере; большинство же увлекалось страстями, и мои расчёты, основанные на разуме, оставались воспринятыми лишь в кругу нескольких милитантов».

Первые проявления стихийной рабочей борьбы и “американская канва” итальянского развития

Столкновения в Генуе 30 июня 1960 года были одними из первых проявлений цикла стихийной рабочей борьбы, который начинался под влиянием стремительного экономического чуда и ускоренного процесса распада крестьянства, в результате которого молодой пролетариат концентрировался в мегаполисах на севере страны; то же самое произойдёт в июле 1962 года во время событий на площади Статутто в Турине.

«В конце июня 1960 года Генуя оказалась на грани гражданской войны. В тёплый вечер – после активного участия в том движении – я задумался и открыто сообщил об абсурдности ситуации. Итальянская метрополия быстро продвигалась в своём экономическом развитии,

в Генуе же всё дошло до ожесточённого конфликта из-за фашистских обломков. Меня поражало, что все действовали так, словно этого вопиющего противоречия не существовало. Вновь людьми двигали страсти, и всё прочее их мало интересовало. Эти страсти использовались реформистскими течениями, чтобы сломить сопротивление центризма, который, в свою очередь, опирался на ностальгический фашизм. Но, возбуждаемые раз за разом, эти страсти вышли из-под контроля и начали действовать сами по себе. Их усмирили пулемётами. Я прекрасно осознавал всё это и пытался понять, почему произошло то, что противоречило нормальному политическому развитию в период интенсивного экономического роста. Понять было нетрудно, потому что ещё в юности я часто оказывался в политических ситуациях, когда люди действовали больше под влиянием импульсов, чем исходя из рационального политического расчёта. Только задним числом эти импульсы облекались в теоретическое объяснение, которое было не чем иным, как оправданием случившегося. Поэтому то, что происходило летом 1960 года, меня не удивляло. Скорее, я не мог понять не столько как, сколько почему это происходило.

Я написал об этом, рассматривая движения в Японии, начиная определять феномен стихийности по ходу быстрой индустриализации и пролетаризации. Как результат, впоследствии я развил анализ максималистской стихийности как специфики итальянского рабочего движения и оппортунизма в Италии. Размышления по поводу того лета позволили мне в противовес максималистской стихийности разработать высказанную в 1956 году концепцию кадровой партии как необходимого условия для восстановления ленинистской партии после десятилетий контрреволюции. В 1963 году я продолжил нить своего размышления в ряде внутренних лекций, а затем обобщил их в статье о партии-стратегии. Наконец, в 1964 году написал статьи, которые составят книгу "Классовая борьба и революционная партия". Эти концепции позволили мне позднее определить феномен "тред-юнионистской стихийности".

Но уже в 1960 году я считал, что единственный способ не быть сметёнными или нейтрализованными стихийными и эмоциональными движениями заключался не в невозможном контроле над ними, а в необходимости иметь организацию, состоящую из людей, настолько сплочённых на практике и подготовленных теоретически, что они не оказались бы под влиянием этих движений. Такая кадровая организация могла бы впоследствии попытаться направить стихийное движение к конкретным задачам, вытекающим из более широкого стратегического анализа.

Проблема, которая стояла тогда передо мной, заключалась в том, чтобы увидеть, как могут эти итальянские всплески повлиять на международную эволюцию. На деле они никак не влияли: это был лишь симптом временной неуправляемости интенсивной пролетаризации. Таким образом, я абсолютно пренебрёг ставшим тогда модным джованилизмом¹.

Научная систематизация этого политического и организационного сражения в условиях бурных преобразований, связанных с ускоренным развитием, получила формулу «американской канвы»: «В последние годы я глубоко изучал историю американского экономического развития и его социальную стратификацию, от "синих" до "белых воротничков", от промышленного сектора до сферы услуг, от иммиграции до плавильного котла этнических потоков. Я считал справедливым указание Маркса о том, что наиболее развитая капиталистическая страна показывает будущее отстающей. Я назвал собранный материал "Американская канва". На основе него я сделал несколько докладов и написал ряд статей. Я думал, что будущее – это американизация итальянского общества. Я не ошибся, так как именно это и произошло, и многие проблемы, которые были тогда мною поставлены, сегодня абсолютно актуальны. Ошибался я, как всегда, лишь в отношении ритмов и сроков, потому что часто размышлял о явлениях, едва зародившихся и становившихся политически значимыми только через пять или десять лет».

Понимание развития итальянской метрополии и её империалистического созревания, предвидение его характера и направления к американизации общества, осознание противоречий, за которые могло бы ухватиться организованное меньшинство, было теоретической и аналитической стороной борьбы за укоренение партии по большевистскому образцу в условиях империалистического созревания. Понятие партия-наука и партия-стратегия было в центре текста 1964 года "Классовая борьба и

революционная партия”; в той борьбе, начавшейся в 1960-е годы, раскрылось практическое значение этой формулы: *«Благодаря Ленину я, наконец, мог видеть развитие капитализма в Италии в качестве молекулярного процесса и сделать вывод, что на определённом этапе этот процесс породит столь многочисленные и столь глубокие противоречия, что группа, сумевшая научно проанализировать его и внимательно за ним следить, сможет создать революционную организацию. Когда неизбежно, в течение десятилетий, эти противоречия станут катастрофическими, только эта организация будет обладать полным пониманием происходящего и окажется в состоянии использовать их для того, чтобы перевернуть политические и социальные отношения.*

Ленинизм оказался в состоянии сделать это в России, потому что он научно проанализировал развитие капитализма в момент его подъёма в славянской зоне. Мы сможем это сделать в метрополии, которая созревает империалистически, при условии, что нам удастся научно проанализировать эту стадию созревания».

Борьба по вопросу антиколониальных революций и войн в развивающихся странах

В 60-е годы подходил к концу цикл национальных революций, приведённый в движение новой буржуазией в развивающихся странах; война во Вьетнаме и арабо-израильские войны ознаменовали переход к 70-м годам, когда этот процесс можно было считать завершённым. И в этом случае теоретическая и научная борьба была предпосылкой для международной политической борьбы. Именно понимание этого неповторимого цикла развития, в соответствии со стратегическим прогнозом “Тезисов” 1957 года, позволило избежать заражения тьермондистскими идеологиями.

«Процесс формирования новых национальных государств уже подходил к концу. Я следил за ним четыре-пять лет и в последних статьях-комментариях находил подтверждение тому, что думал и писал ещё в самом начале, когда движение только начинало пробивать бреши в жёстких блоках, возникших после войны. Ленинистская позиция поддержки была верной, но теоретическая ясность по этому вопросу имела ещё большее значение. В последующие годы она окажет большую помощь, потому что не позволит нам заразиться той или иной формой тьермондизма – от кастроизма до маоизма, – которые охватят новое поколение интеллектуалов, подтолкнув отдельные группировки к террористической аберрации.

Часто в политической борьбе многие теоретические сражения кажутся малозначительными из-за крайне ограниченного практического эффекта в данный момент, и такое впечатление может вызывать разочарование в сравнении с затраченными усилиями. Только по прошествии времени можно измерить их практический эффект, когда они помогают выбрать поведение того или иного типа.

Этот аспект борьбы я всегда имел в виду, по крайней мере с того момента, как углубил мои знания истории.

Поместив деколонизацию в рамки тенденций унитарного империализма, я мог видеть то, что в июле [1961 года] будет названо мною новым планом империализма (вероятно, я использовал неточный термин); осенью я связал его с новой программой КПСС. Другими словами, я утверждал, что индустриализация отсталых районов и развитие российской зоны входило в новый план империализма по экспорту капиталов. Я приводил статистические данные в подтверждение анализа тенденции, которая в последующие годы развернётся с амплитудой, не требующей комментариев. На основе этого анализа, кроме прочего, у меня не будет трудностей с неприятием моды на “недоразвитость”, которой будут заражены 60-е годы».

Кризис Azione Comunista и рождение Lotta Comunista. “Десять потерянных лет”

В декабре 1965 года разрыв с прокитайской фракцией положил конец деятельности Azione Comunista и ДКЛ. Когда вышел первый номер Lotta Comunista, Черветто пришёл к выводу, что в результате этой бесплодной деятельности он *«потерял десять лет»*.

«6 декабря мы провели собрание НК² в Милане. Из-за примиренческой позиции Бруно Фортикьяри оказалось невозможным устранить прокитайские симпатии Лучано Раймонди и его сторонников. Разрыв стал неизбежен. Azione Comunista прекратила своё существование. Я оказался прав, ещё десять лет назад определив её как противоречивое движение. Но теперь многое изменилось. Прежде всего, я потерял десять лет.

Десять лет в истории – миг, но в политической жизни одного человека – срок. Не многие обладают дыханием на десятилетия. Я пытался построить что-то, учитывая мнения других, мнения, которые не разделял. Я ошибался. Впредь я больше не сделаю этого, потому что потерять ещё десять лет было бы катастрофой для меня и для всех. Я прекрасно знал, что этот выбор не был идеальным решением. Я материалист и не верю, что один индивид может сделать то, что способна осуществить только коллективная сила. Я не верю и в то, что он может знать больше, чем способна познать коллективная сила. Я не могу предположить этого в отношении кого-либо, тем более в отношении себя. Если и существует роль личности в истории, то она заключается не столько в том, чтобы видеть то, чего не видят другие, сколько в том, чтобы действовать так, чтобы другие действовали определённым образом. Предвидения остаются тем, что они есть, и не движут людьми. Действие, напротив, вмешивается в материалистический процесс познания.

Принимать иногда в расчёт мнения других, каждое из которых отражает определённый аспект реальности, – означает оставаться парализованным в действии. Ленин отлично иллюстрирует этот узел политической работы, когда поддерживает формулу: “Действовать, потом посмотрим”. Это не рационалистическая самонадеянность, а материалистическая диалектика».

Пражская весна и “действительный раздел” между США и СССР

В августе 1968 года СССР своими танками положил конец Пражской весне – периоду политических перемен в Чехословакии, конечной причиной которых было проникновение немецкого капитала в сферу влияния Москвы в Восточной Европе. Москва не могла с этим согласиться, но применение военной силы было одновременно признанием экономической слабости её государственного капитализма по отношению к Германии. Тот факт, что Соединённые Штаты стояли в стороне и наблюдали, как гусеницы русских танков грохотали на Вацлавской площади, подтолкнул Черветто к более глубокому размышлению о балансе сил и к совершенствованию теоретического понятия унитарного империализма. Не понимая специфической политической и военной динамики держав, невозможно было осознать, как развивалась империалистическая борьба, которая не была простым отражением соотношения экономических сил. А не осознавая реальность европейского империализма, невозможно было бороться с идеологиями ялтинского раздела, которые скрывали фактический союз между Вашингтоном и Москвой и препятствовали борьбе с империалистическим европеизмом.

«Вторжение в Прагу я рассматривал как проявление “действительного раздела мира”. В анализе я отвергал утвердившийся тезис о разделе мира между США и СССР. Размышляя о концепциях “равновесия” и “баланса сил”, использованных Марксом и Энгельсом, я пришёл к убеждению, что ялтинские соглашения, пожалуй, были применением с американской стороны стратегии баланса сил в Европе. Отдавая Восточную Европу СССР, Соединённые Штаты брали в свои руки будущее европейского империализма.

Потрясения 68-го года представляли для меня большие возможности для изучения, анализа и синтеза. У меня были инструменты для этого и, особенно, для того чтобы не отвлекаться на маргинальные и вторичные проявления. Моё практическое формирование и мой опыт вновь были необходимы. Без них я бы сильнее поддавался влиянию того, что лежало на поверхности. Но для меня это было как с гуся вода. Чёрные рубашки, белые, красные, зелёные, жёлтые для меня уже давно были простыми тряпками, более или менее ветхими.

Неслучайно 68-й год дал мне возможность для углубления анализа унитарного империализма. По-моему, факты позволяли, наконец, разрабатывать, видеть практическое противоречие динамики унитарного империализма, понятого в основном в форме абстракции. В 50-е годы я рассматривал империализм как единый глобальный механизм, конкретным проявлением которого было разделение на два блока. Я следил за провалившейся попыткой создания в Бандунге третьего блока вокруг Индии и Китая. Создание европейского Общего рынка привело меня к определению “трёх блоков империализма”. Динамика 68-го года позволила мне увидеть, как на практике работал механизм формирования, существования и равновесия блоков мирового империализма. Я без труда исправил предыдущее, слишком абстрактное определение унитарного империализма, даже если оно и позволяло мне продолжать научный анализ. [...]

Я считаю, что “действительный раздел мира” был открытием. Безусловно, оно было очень полезным в последующие годы. Хотя французский кризис заставил меня переоценить относительное ослабление Франции, 1968 год был для меня поистине богатым урожаем. Чтобы найти нечто сопоставимое в моей работе, нужно вернуться к 1956 году. Всё остальное было второстепенным, даже если выглядело более ярким».

Июль – август 2025 г.

¹ - Заинтересованное внимание к молодёжи.

² - Национальный комитет – руководящий орган организации.